

Луи Буссенар

Приключения в стране

ЛЬВОВ

Приключения парижанина

Луи Буссенар

Приключения в стране львов

«Public Domain»

1886

Буссенар Л. А.

Приключения в стране львов / Л. А. Буссенар — «Public Domain», 1886 — (Приключения парижанина)

«За густой завесой из листьев неожиданно раздался ужасающий рев и прокатился под деревьями-великанами. Насмешливый голос проговорил:– Батюшки! Дебют органной трубы.– Замолчи! – прибавил другой голос.– Это все-таки лучше трубы газовой.– Перестанешь ты или нет? По твоей милости нас могут растерзать.Раздалось новое рычание, от которого задрожали неподвижные листья...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Луи Буссенар

Приключения в стране львов

Книга создана по изданию: Луи Буссенар. Полное собрание романов. Спб., 1911., книгоиздательство П. П. Сойкина. Перевод Е. Н. Киселева

* * *

Глава I

Дикая симфония. – Соперники. – Львиный турнир. – Три охотника в засаде. – Джентльмен, гамен и жандарм. – Два выстрела. – К сведению любителей фотографировать животных. – Смерть кокетки. – Разрывная пуля. – Воспоминание об открытии охотничьего сезона. – Губительная сеть. – Похищение женщины гориллой.

За густой завесой из листьев неожиданно раздался ужасающий рев и прокатился под деревьями-великанами. Насмешливый голос проговорил:

– Батюшки! Дебют органной трубы.

– Замолчи! – прибавил другой голос.

– Это все-таки лучше трубы газовой.

– Перестанешь ты или нет? По твоей милости нас могут растерзать.

Раздалось новое рычание, от которого задрожали неподвижные листья.

Эти дикие звуки послужили как бы сигналом. Со всех сторон из таинственных глубин тропического леса разнесся оглушительный громовой рев. Отчетливые, резкие ноты, несмотря на то, что воздух вокруг был густо насыщен влагой, разносились далеко кругом.

– Ну, так. Теперь оркестр сороковых бочек.

Неисправимый болтун никак не мог уняться.

– Нет, тебе, видно, непременно этого хочется, – возразил другой собеседник приглушенным голосом, но вполне явственно.

– Чего именно, monsieur Андрэ?

– Того, чтобы нас разорвали на клочки или чтобы мы вернулись ни с чем – это уж наверняка.

– Последнее было бы горше первого.

– Действительно. Проехать тысячу двести миль только затем, чтобы остаться с носом! А кто будет в этом виноват? Один ты.

– Довольно, начальник. Я прикусываю язык... Ай да киска! Вот это я понимаю.

Непочтительное прозвище киски шалун адресовал великолепной львице, которая выпрыгнула из чащи и застыла на месте при виде трех охотников, стоявших группой посреди поляны.

Львица не столько испугалась, сколько была изумлена, и глядела на людей не со злобой, а скорее с любопытством. В ту минуту она была похожа на художественное изваяние.

До сих пор она видала только людей с черной кожей; а теперь перед ней были люди с бледными лицами, одетыми в белую одежду.

«Это еще кто такие?» – казалось, спрашивала она.

Припав на одно колено, охотники с необыкновенным хладнокровием людей бывалых и неустрашимых ждали, что будет дальше.

Нервы у них были, очевидно, закаленные, крепкие. Да иначе и нельзя. Только с таким самообладанием и можно охотиться на крупных зверей, вроде льва или тигра.

Тут охотник ежеминутно встречается со всевозможными неожиданностями, причем малейшая оплошность может иметь роковые последствия.

В подобных случаях крепкие нервы – это все. Храбростью, конечно, обладает всякий добровольно поехавший охотиться на львов. Но нервы?..

У трех наших охотников по этой части было все безупречно. Ни один из них даже не моргнул, когда появилась львица. Только пальцы еще крепче сжали тяжелые двустволки, дула которых даже не шелохнулись.

Главным лицом в компании был мужчина во цвете лет и сил, – лет тридцати двух или пяти, – высокий, смуглый, могучего сложения. Болтун называл его monsieur Андрэ.

Сам болтун был юноша лет двадцати трех, а на вид даже моложе – лет восемнадцати. Выговор выдавал в нем парижанина из предместья, настоящего парижского гамена. Небольшого роста, но мускулистый крепыш, он смело смотрел на львицу своими серо-голубыми плутовскими глазами.

Третий был бесстрастен, как факир, и всей своей выправкой напоминал старого солдата, он им и являлся в действительности. Худощавое лицо, испещренное шрамами, большие брови дугой, нос крючком, длинные, концами вниз, усы, борода в виде запятой, грудь колесом – словом, типичная солдатская наружность. Лет ему было не более сорока пяти.

Львица, кончив осмотр, глухо рыкнула, точно мурлыкнула, ударив себя хвостом по бедрам, сморщила нос, прижала уши и вся подобралась, готовясь к прыжку.

Андрэ стал медленно поднимать винтовку, предостерегая товарищей:

– Главное – не стрелять! Ни в каком случае! Ты понял, Фрикэ? Вы слышали, Барбантон?

– Понял, – отвечал молодой человек.

– Есть, – отозвался старый солдат.

Охотник прицелился. Он уже собирался спустить курок, чтобы опередить нападение львицы, как вдруг та – не то из каприза, не то из любопытства – выпрямилась и тихо повернула голову в противоположную от охотников сторону.

Этим движением она подставила себя под выстрел. Но охотник невозмутимо, словно перед ним был безобидный кролик, опустил винтовку и сам стал смотреть в ту же сторону, куда повернулась львица. Очевидно, он был непоколебимо уверен в себе.

Львица вздрогнула всем телом. Справа и слева послышался рев. Точно два громовых раската прокатились по лесу.

Заколыхались лианы и кусты, и на поляну выскочили два огромных льва. С первого взгляда они признали друг в друге врага. Более чем врага – соперника.

Сверкая глазами, оцетинив шерсть, они с вызывающим видом стояли друг против друга и рвали когтями землю. Охотников, находившихся от них шагах в тридцати, они не удостоили даже взглядом.

Наконец оба льва разом испустили короткий сдавленный крик и, подпрыгнув метра на три вверх, бросились друг на друга. Так, в воздухе, они и сшиблись. Послышался хруст костей, противный звук разрываемого мяса – и оба зверя тяжело рухнули наземь.

– Недурно причесали друг друга! – тихо сказал своему соседу, господину Андрэ, молодой человек, которого звали Фрикэ.

– Этак они и впрямь растерзают друг друга, а жаль.

– Шкуры жаль?

– Да, и шкуры. Разве ты не находишь, что три таких великолепных шкуры были бы недурным началом для нашей будущей коллекции?

– Согласен. Но помешать этим дурням терзать друг друга мы сможем только одним способом: застрелив их теперь же.

– И вправду дурни! – вставил свое слово солдат. – Дерутся из-за самки!

– Вы не очень галантны, дружище Барбантон, – перебил Фрикэ. – А мне так даже нравится эта битва. Я видал львов в цирках Биделя, Пезоне. В сравнении с этими экземплярами те просто набитые чучела. Эти же – настоящие молодцы.

– Не спорю. Но это лишний раз доказывает, что можно быть молодцом и в то же время дураком. Не проще ли было бы им поделить между собой свою мамзель, чем откусывать друг другу носы и рвать шкуры ей же на потеху. Взгляните: ведь она прямо смеется над ними.

– Служивый, вы очень жестоки. Но не беспокойтесь: Андрэ скоро положит этому конец. Все трое будут наши – и эта молодая особа, и ее воздыхатели.

Во время этой беседы борьба шла своим чередом. Львица, присев на задние лапы, томно следила за ожесточенной дуэлью, сузив глаза и позевывая.

Андрэ снова поднял винтовку и прицелился. Он взял на прицел движущуюся группу, рассчитывая, что борцы хоть на секунду приостановятся или хотя бы замрут на мгновение в какой-то статичной позе. Надежда не оправдалась. Львы продолжали безостановочно грызться. Стрелять было нельзя.

Раздосадованный охотник обратился к Фрикэ:

– Ты сейчас говорил о том, чтобы их застрелить. Что может быть лучше, но я боюсь, что рана не будет смертельной.

– Хотите, я заставлю их на минутку остановиться? Времени будет достаточно, чтобы уложить одного из них.

– Ну, попробуй.

– Идет. Вы готовы?

– Готов.

– Начинаю.

Молодой человек поднес к губам два пальца и издал свист, очень похожий на паровоз. Создалось впечатление, что идет поезд. Дерущиеся львы замерли и приостановили бой.

– Вот бы сделать моментальный снимок! – вскричал Фрикэ.

Слова его были заглушены грянувшим выстрелом. Андрэ воспользовался коротким мигом. Один из львов, получив пулю в висок, привскочил на задние лапы, взмахнул в воздухе передними и упал бездыханный, даже не протонав.

Другой лев, не разбирая, откуда прогремел выстрел, сваливший его противника, приписал победу себе единолично и громко прорычал в знак своего торжества. Он гордо выпрямился над трупом врага и бросил на львицу победоносный взгляд.

– Ах, ты, болван! – пробормотал Фрикэ.

Даже не дожидаясь, пока рассеется дым, Андрэ снова прицелился и выстрелил во второго льва, представлявшего в этот момент отличную мишень.

– Великолепный двойной выстрел! – с восторгом вскричал Фрикэ.

– Чисто сработано, – похвалил Барбантон.

– Винтовку мне, – коротко произнес Андрэ, протягивая товарищам свое разряженное ружье.

Увидев поверженным и второго своего поклонника, львица, наконец, вышла из состояния беззаботности.

Во время драки соперников, не замечавших окружающего, она видела, как сверкнули две молнии сквозь облачко беловатого дымка. Она слышала и выстрелы и уяснила, что все это сделали те самые люди, на которых до сих пор не обращалось никакого внимания.

Смутно предчувствуя опасность, она решила идти ей прямо навстречу. Уверенная в своей силе, смелая, ловкая и хищная, львица понимала, что лучший способ защититься – это напасть самой, и немедленно.

Быстро решившись, она отпрянула в сторону, сделав вид, что хочет обратиться в бегство, и в тот же миг, совершив боковой прыжок, устремила прямо на охотников.

Новичок был бы сбит с толку этим неожиданным маневром, тем более, что была дорога каждая минута: львица находилась от охотников метрах в двадцати. Два-три прыжка, то есть семь-восемь секунд, – и она могла навалиться на них. Но Андрэ не так-то легко было провести. Он выстрелил в тот самый момент, когда зверь собирался прыгнуть.

Пуля попала львице в бедро и перебила его. Она упала на землю в пятнадцати метрах от охотника. Прыгнуть уже не могла, но была еще очень опасна. Она могла ползти с помощью передних лап и в последнюю минуту даже броситься на своих врагов.

Львица громко рычала от боли и ярости. Андрэ подпустил ее к себе на восемь шагов и разрядил винтовку ей в самую пасть.

Она упала с совершенно раздробленной головой. Андрэ не мог понять, отчего действие выстрела было так сокрушительно? Череп был буквально раскрошен, глаза вывалились, зубы вылетели, язык оказался изорванным в клочки.

– Чем вы зарядили свое ружье? – спросил он Барбантона.

Солдат в первый раз засмеялся, отчего его морщинистое лицо еще больше сморщилось.

– Разрывной пулей, только и всего. А разве плохо?

– Напротив, очень хорошо. Без этого не знаю, как бы я справился с львицей.

– Раз речь шла о самке, тут нужна особая осторожность. Я знал, что она доставит нам хлопот. Таков женский пол! Самцы погибли честно, благородно, без всяких фокусов, а она не могла и тут обойтись без хитростей. Я это предвидел и принял свои меры предосторожности. Берите с меня пример, *monsieur* Андрэ, и никогда не доверяйте женскому полу – ни у людей, ни у животных. Прислушайтесь к моему совету – совету старого жандарма и обманутого мужа.

Молодой человек только улыбнулся на эту тираду и произнес, указывая на мертвых львов:

– За работу, друзья! Освежаем каждый по одному, а тем временем подойдут наши негры и отнесут шкуры в лагерь.

Охотники сейчас же принялись за дело. Работа у них спорилась и не мешала оживленно болтать между собой. В их беседе заметна была большая фамильярность и самое искреннее товарищество, несмотря на разницу в их общественном положении.

– Черт возьми! – говорил Фрикэ. – Для начала недурно! Как вы находите, *monsieur* Андрэ? Я полагаю, вы довольны.

– Я в восторге и считаю себя счастливейшим охотником.

– Вы теперь вознаграждены за неудачное открытие сезона охоты в Босе. 1-го сентября воротиться в Париж с пустым ягдташем! Это был для вас удар.

– Немудрено, когда как раз перед тем на моей территории несколько дней орудовали браконьеры.

– Неужели браконьерство еще процветает?

– Теперь в особенности, потому что жандармы им все спускают, только что не потворствуют. Слышите, Барбантон? Это в ваш огород.

– Нет, *monsieur* Андрэ, не в мой! Я на континенте никогда не служил в жандармерии. Я был жандармом в колониях, а там браконьерствуют канаки, дичью же служат люди. Там охота – источник пропитания.

– Как же, помним! – засмеялся Фрикэ. – Нас двоих и еще доктора Ламперьера вы чуть не с вертела стащили.

– Ну, это пустяки. Я хотел только сказать, что жандармы бывают разные и что браконьеры тоже не все одинаковы. А скажите, *monsieur* Андрэ, в этой стране, где мы находимся, существует людоедство или нет?

– Здесь, в ста километрах от Сьерра-Леонского берега, – могу положительно сказать, что нет. К тому же здесь британские владения, а англичане очень суровы с неграми.

За беседой работа быстро подвигалась. Охотники работали усердно и старательно, несмотря на жару и духоту в лесу. Через час все три шкуры были содраны с искусством, которому мог бы позавидовать всякий натуралист, и аккуратно свернуты в ожидании негров-носильщиков, которые что-то долго не шли.

Андрэ в третий раз прислушался к смутному лесному гулу, среди которого он различил вдали нестройные крики.

– Наконец-то! Идут наши горланы.

На поляну выбежали человек двенадцать негров с копьями и ружьями. Они кричали, выли, размахивали руками, точно обезьяны.

– Масса!.. Несчастье!..

- Масса!.. Иди скорей!..
- Ах, какое несчастье...
- О! Бедная мадам!..
- Где мадам? Какое несчастье? – спросил с неудовольствием Андрэ.

Негры кричали все вместе, так что нельзя было ничего разобрать. Андрэ приказал им замолчать. Выбрав одного из них, который с виду казался смысленнее остальных, он спросил его, в чем дело.

- Масса, там белая женщина.
- Какая?
- Не знаю.
- Нечего сказать – объяснил. Дальше?
- Горилла...
- Какая горилла?
- Из леса...
- Правильно. Верю, что из леса, живая, а не чучело из музея. Ну?
- Она похитила белую мадам... Понимаете?

Андрэ невольно вздрогнул. Негр, по-видимому, говорил правду, хотя какими судьбами могла попасть сюда, в африканский лес в двадцати милях от Фри-Тауна¹, белая женщина?

Но гориллы часто похищают женщин, и Андрэ решил проверить этот факт. Крикнув товарищей и зарядив оружие, он во главе своего небольшого отряда кинулся в погоню.

¹ Здесь и далее сохранены географические названия, принятые в конце XIX – начале XX вв.

Глава II

Через лес. – По следам гориллы. – Бывший жандарм действует без всякого одушевления. – Беда от брака с «зверинцем». – Растерзанные люди. – Труп майора. – Крик гориллы. – На баобабе. – Отчаянное сопротивление, – Помогите! – Выстрел. – Смертельно ранен. – Агония. – Спасена! – Удивление Андрэ. – Изумление Фрикэ. – Жандарм просто поражен.

Идти девственным лесом всегда трудно, а в особенности опушкой или около лесных полей.

В середине леса, под деревьями, высокая трава расти не может, потому что солнце под деревья совсем никогда не заглядывает. Там нет и лиан, один только гладкий мох устилает старую девственную почву, покрытую растительным перегноем. Путнику тут нужно остерегаться не только скрытых трясин, невидимых болот, предательских оврагов и неожиданных бугров, но и стараться не запнуться о сваленное дерево. И все-таки путь по такому лесу не очень труден. Но вот истинное мучение – когда приходится идти лесами, наполовину выгоревшими от тропических гроз, что бывает далеко нередко. Новые деревья с громадными прическами из лиан с необычайной быстротой вырастают на месте погибших, а внизу из девственной, жирной почвы с силой тянутся густая, высокая трава и древовидные растения.

От такого буйства зелени ботаник придет в неопишуемый восторг, а путешественник и исследователь – только в ярость, потому что продвигаться вперед тут можно лишь с большим трудом, с каждым шагом расчищая себе дорогу тесаком или топором. Со всех сторон его будут опутывать лианы, начнут спотыкаться ноги о корни, колючки впиваться в тело, задыхаясь от жары, обливаясь потом, весь искусанный насекомыми, путник измучится вконец и проклянет тот час, когда он забрался в эти непроходимые дебри.

В таком именно положении оказались три европейца, когда покинули лесную поляну, услышав от испуганных негров весть о похищении гориллой неизвестной белой женщины.

Андрэ и Фрикэ, движимые благородством и великодушием, беспokoйно рвались вперед, прокладывая себе дорогу тесакoм; старый солдат не отставал от них и тоже энергично работал тесакoм, но при этом вспоминал всех чертей и проклинал вместе с гориллами все то, что не принадлежало к сильному полу.

– Женщина – в девственном лесу! Занесет же нелегкая! Если бы не моя преданность к вам, monsieur Андрэ, и этому мальчишке Фрикэ, ни за что бы я не пошел выручать эту особу. Пусть бы общалась со своей обезьяной, как сама знает.

– И это говорит Барбантон, старый солдат, верой и правдой служивший столько лет Венере и Беллоне!

– Верой и правдой, monsieur Андрэ, в том-то и дело.

– Так неужели же вы оставили бы несчастную женщину в таком ужасном положении?

– А за каким рожном она сюда забралась? Кто ее звал?

– Спасем ее сперва, а разнос ей сделаем уже потом.

– Знаете, monsieur Андрэ, я не чувствую ни малейшего воодушевления.

– Тем лучше! Хладнокровие – первое дело на войне.

– Я не то совсем хочу сказать! Я хочу сказать, что иду с вами против воли, как бы по принуждению.

– Барбантон, у вас нет сердца.

– Точно так, monsieur Андрэ.

– У него сердце съела его жена, Элодия Лера, – не правда ли, жандарм? – спросил насмешливо Фрикэ.

– Правда, Фрикэ. Старого солдата, кавалера с шевронами и медалями, она едва-едва не ввела в страшный грех...

– Но ведь вы находитесь теперь в тысячах двухстах милях от вашего домашнего бича.
– Тут и десяти тысяч миль мало. Это такая гиена, такая ведьма! Настоящий черт в юбке. Волчица. Тигрица. Змея подколотная...

– Да вы никак всех зверей хотите перебрать, – засмеялся Фрикэ. – Назовите ее уж лучше прямо зверинцем – и дело с концом.

– Ведь вы сами знаете, на что она способна.

– Это верно. Вам не повезло. В брачной лотерее вам достался несчастливый номер. Но это все же не основание для того, чтобы мерить всех женщин одним аршином и ненавидеть их всех без разбору.

– Для спасения ребенка я бы кинулся к акулам, в огонь, в расплавленное олово.

– Нисколько не сомневаюсь!

– Но ради женщины – слуга покорный!

– Вы очень жестоки.

– Но справедлив. Я знаю, что, спасая женщину, я невольно приношу вред какому-нибудь мужчине, не причинившему мне ни малейшего зла. А я этого не хочу.

– Не старайтесь изобразить себя чернее, чем вы есть. Я отлично знаю, что вы и сами по себе вырвали бы эту несчастную из когтей чудовища. Не можете же вы отказать в помощи, когда вас о ней умоляют.

– Гм!.. Гм!..

– Так-то, старый ворчун.

– Если еще какая-нибудь незнакомая – ну, может быть...

– Даже и в том случае, если бы это оказалась ваша жена, сама Элодия Лера... Я ведь вас знаю!

– Ну, нет! Миллион раз – нет. Не городите пустяков. Это может накликать на нас несчастье.

– Повторяю: даже и в этом случае вы бы выручили. Мой милый друг, от вас исходит добро, как от белого хлеба, как от папушника; вы ведь только притворяетесь злым.

– Думайте, как хотите, но только я вам верно говорю: эту... особу (язык не повернулся сказать: мою жену) я бы от гориллы спасать не стал. Кажется, горилла из всех обезьян самая свирепая?

– Говорят. А что?

– А то, что через неделю сожительства с гориллой эта особа вконец бы измучила бедное животное; через две недели обезьяна лишилась бы рассудка, а через месяц скончалась бы от разрыва сердца. Не ее нужно бы было спасать от гориллы, а гориллу от нее. Таково мое убеждение, – закончил солдат, неистово расчищая тесаком лианы и кусты.

Фрикэ и Андрэ от души расхохотались такому неожиданному выводу.

– Однако это исключено, – сказал Андрэ. – Ваша жена живет себе преспокойно в Париже и торгует в своей лавочке, а вы опять странствуете по белу свету.

– Нет худа без добра. Ей я обязан тем, что нахожусь с людьми, которых люблю больше всего на свете, то есть с вами и с Фрикэ. Конечно, это нисколько не исключает моей привязанности к доктору Ламперьеру и к нашему матросу Пьеру ле Галю.

– И у нас вы встречаете полную и искреннюю взаимность, – отвечал Андрэ, крепко стискивая ему руку.

Молодой подлесок сменился, наконец, старым лесом. Вместо зарослей потянулись ряды больших деревьев с высокими гладкими стволами. Под густым, непроницаемым для солнца сводом сделалось темно и душно; в воздухе чувствовалась тягостная, знойная влага, она была чрезмерно насыщена испарениями гниющих растений. Над почвой невидимо поднимались пары, пронизанные миазмами лихорадки.

Тут могли жить и прятаться только дикие звери.

Три друга шли теперь довольно быстро, но силы их уже истощались. С каждым шагом усталость давала себя чувствовать все сильнее. Негры едва поспевали за своими господами, а те из них, которым поручено было тащить львиные шкуры, отставали весьма значительно.

Но вот вдаль послышался неопределенный гул, затем выстрел, прозвучавший глухо во влажном воздухе.

Усталость путников как рукой сняло. Охотники бросились вперед, как солдаты на батарею, перепрыгивая через все препятствия, и достигли, запыхавшись, небольшой группы испуганных людей.

Их глазам представилось ужасное зрелище.

На земле лежал навзничь человек с распоротым животом и вырванными внутренностями; кругом валялись клочья разорванной одежды, вперемешку с кусками кишок. Цела была только голова и синий матросский воротник на плечах мертвеца.

То был труп белого, по одежде матроса.

Андрэ взглянул на лицо, искаженное короткой, но, вероятно, мучительной агонией, и воскликнул:

– Да ведь это один из наших матросов!.. Фрикэ, погляди!

– Увы! Да... – отвечал, бледнея, молодой человек. – Это с нашей шхуны...

– А вот и еще мертвец!.. Да тут была целая бойня.

В, нескольких шагах лежал другой труп. Труп негра. Одно плечо его было буквально оторвано напроць. Сквозь сломанные ребра виднелось легкое; с лица была содрана вся кожа.

– Боже! Мы опоздали! – пробормотал Фрикэ. – Мне эти раны знакомы.

– Становитесь ближе к стволу дерева, джентльмены! – крикнул им по-английски господин в европейском костюме и с двустволкой в руках. – Спешите! Обезьяна будет нас сейчас атаковать.

С дерева повалились с шумом огромные ветви. Кто-то кидал их с самой вершины. Наши охотники поспешили последовать разумному совету и подошли к незнакомцу, около которого теснились четыре негра в крайнем испуге. У одного была проломлена голова, из раны обильно текла кровь.

– Жертва гориллы, вероятно? – спросил Андрэ, указывая на трупы.

– Гориллы, сэр, – флегматично отвечал европеец. – Она сидит на баобабе, почти прямо над нами. Я ее ранил, отчего она только еще больше рассвирепела.

– Мне мои негры сказали, будто обезьяна утащила какую-то женщину.

– Это правда. Обезьяна схватила ее на наших глазах и унесла на дерево. Матрос хотел ее защитить – и вот что с ним сделало чудовище. Негр тоже поплатился за свою попытку.

– А женщина?

– Все произошло так быстро, что я не успел сделать выстрела. К тому же я боялся задеть пулей даму. Впрочем, думаю, что обезьяна не успела причинить ей зла. Она, по всей вероятности, поместила похищенную даму на низких ветвях баобаба, потом, испугавшись выстрелов, оставила ее там, а сама поднялась на вершину. Я видел чудовище пару раз, когда она обламывала ветви, которыми в нас бросает. Но она очень хитра и ловка: покажется и тотчас же спрячется. Я никак не могу за ней уследить... Чу! Вы слышите?

С вершины дерева раздался резкий, отрывистый и громкий крик:

– Кэк-ак!.. Кэк-ак!..

Крик исходил как будто из металлической трубы и чередовался с глухим рычанием, словно чудовище, перед тем как крикнуть, старалось набрать в свои легкие как можно больше воздуха.

Негры в ужасе выбивали зубами дробь. Этого крика они не могли слышать без дрожи.

– Так что вы не можете указать в точности, где находится похищенная жертва? – продолжал Андрэ, упорно развивая свою мысль. – Вы даже не знаете, наверное, жива ли она?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.